

Приключения маленьких геловечков

Мэри Хортон

Добывайки на реке

#эксмогетство

Приключения маленьких человечков

Мэри Нортон

Добывайки на реке

«ЭКСМО»

1959

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Нортон М.

Добывайки на реке / М. Нортон — «Эксмо»,
1959 — (Приключения маленьких человечков)

ISBN 978-5-04-091399-2

Сказочные чудесные истории о маленьких человечках-добывайках, которые живут рядом с нами и потихоньку «одалживают» разные вещи. Мэри Нортон (1903–1992) – известная британская писательница, придумавшая крошек-добываек, получила за эти книги престижную литературную премию Карнеги.

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-091399-2

© Нортон М., 1959
© Эксмо, 1959

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мэри Нортон

Добывайки на реке

Mary Norton The Borrowers Afloat

The Borrowers Afloat © Mary Norton 1959

This edition is published by arrangement with Aitken

Alexander Associates Ltd. And Van Lear Agency

© Харченко В.В., ИД «ШКОЛА», иллюстрации, 2016

© Г. Островская, перевод на русский язык, наследники, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава первая

В голосе мистера Зловрединга, поверенного в делах, звучало раздражение:

– И о чём же они разговаривают? – спросил он, словно наперёд зная, что речь идёт о пустяках.

– О добывайках, – сказала миссис Мей.

Они стояли под живой изгородью, среди мокрых кочанов древовидной капусты, качавшейся на ветру. День был промозглый, начинало темнеть, и лампа в окне домика у подножия холма светила особенно приветливо.

– Здесь можно разбить фруктовый сад, – добавила небрежно миссис Мей, словно желая переменить тему.

– В нашем с вами возрасте, – заметил мистер Зловрединг, всё ещё не отрывая глаз от освещённого окна внизу, – разумнее сажать цветы, чем плодовые деревья.

– Вы так думаете? – сказала миссис Мей и пониже опустила капюшон длинного широкого пальто, спасаясь от порывов ветра. – Но, видите ли, я завещаю этот дом ей.

– Кому – ей?

– Кейт, моей племяннице.

– Понятно, – сказал мистер Зловрединг и снова бросил взгляд на освещённое окно, возле которого, как он знал, сидела Кейт.

Странный ребёнок: смотрит сквозь тебя широко раскрытыми глазами, будто не видит, и часами разговаривает со старым мошенником Томом Доброу, который некогда служил здесь лесником. Поневоле придёшь в смущение. Что может быть общего, спросил он себя, между туповатым стариком и этой жадно слушающей его девочкой? Вот уже (он взглянул на часы) час с четвертью, как они сидят, пригнувшись друг к другу, у окна и говорят, говорят...

– О добывайках?.. – повторил мистер Зловрединг, точно это слово встревожило его. – Каких добывайках?

– Ну, это такая история, – небрежно сказала миссис Мей, осторожно пробираясь между набухшими от дождя кочанами к вымощенной кирпичом дорожке, – которую мы с братом рассказывали друг другу, когда жили здесь в детстве.

– В Фэрбанкс-Холле?

– Да, у двоюродной тёти Софи. Кейт очень нравится эта история.

– Но почему ей вздумалось рассказывать её Тому Доброу? – спросил мистер Зловрединг.

– Тому? Почему бы и нет? Хотя, по правде говоря, я думаю, дело обстоит как раз наоборот – это Том рассказывает её Кейт.

Следуя за миссис Мей по выщербленным кирпичам дорожки, мистер Зловрединг погрузился в молчание. Он знал эту семью почти всю свою жизнь, и чем дальше, тем чудачковатее все они ему казались.

– Но кто её выдумал? Вы?

– Куда мне! – Миссис Мей смущённо рассмеялась. – Скорее всего её придумал мой брат. Если это вообще выдумка...

Последние слова женщина произнесла еле слышно, и мистер Зловрединг за них ухватился.

– Я не вполне вас понимаю. Эта история, о которой вы говорите, она что – основана на реальных фактах?

Миссис Мей рассмеялась.

– О нет, факты эти никак не могут быть реальными. Никоим образом. – Она снова пустилась в путь, добавив через плечо: – Просто этот старик, Том Доброу, по-видимому, знал наших человечков.

– Каких человечков? Попрошаек?

– Не попрошаек – добываек.

– Понятно, – сказал мистер Зловрединг, хотя ничего ему понятно не было.

– Мы называли их так. – Обернувшись, миссис Мей подождала, пока он с ней поравняется. – Вернее, они сами так себя называли, потому что у них не было ничего своего. Ничего. Даже имена они брали у людей: в семействе Курантов, например, были отец, мать и дочка, и звали их Под, Хомили и Арриэтта. По-моему, прелестные имена.

– О да, – довольно сухо отозвался мистер Зловрединг, а затем, вопреки своей воле, улыбнулся.

Ему вспомнилось, что она всегда любила, пусть и мягко, подтрунивать над людьми. Даже в юности, когда он находил её весьма привлекательной, это приводило его в замешательство.

– Вы совсем не изменились, – заметил мистер Зловрединг.

Миссис Мей сразу посерьёзнела.

– Но не станете же вы отрицать, что Фэрбанкс-Холл был не только старый, но и странный.

– Старый – да, но не более странный, чем... – Он взглянул вниз. – ...чем, скажем, этот домик.

Миссис Мей рассмеялась.

– Тут Кейт согласилась бы с вами. Она считает этот домик таким же странным, каким мы считали Фэрбанкс-Холл, в точности таким же. Знаете, в Фэрбанксе у нас с братом с самого начала было чувство, будто в доме помимо людей живут ещё какие-то человеческие существа.

– Но, – раздражённо воскликнул мистер Зловрединг, – какая разница между человеческими существами и людьми? Это одно и то же.

– Ладно, просто другие существа. Пусть гораздо меньше людей, но внешне похожие на них, разве что головы побольше да кисти рук и ступни подлиннее. Очень маленькие и незаметные. Мы воображали, что живут они, как мыши, за стенными панелями, или за плинтусом, или под половицами... и полностью зависят от того, что им удаётся стащить в доме. Хотя воровством это тоже не назовёшь – они брали только то, без чего люди вполне могли обойтись.

– Что именно? – спросил мистер Зловрединг и, внезапно почувствовав себя неловко, обогнал миссис Мей, чтобы убрать с её пути побег куманики.

– О, самые разные вещи. Любые продукты, естественно, и разные другие мелкие предметы, которые можно было сдвинуть с места и которые могли им пригодиться, – спичечные коробки, огрызки карандашей, иголки, лоскутки... всё, из чего можно смастерить одежду, оружие труда или мебель. Нам было их жалко, потому что они ценили красоту и стремились сделать свои тёмные норки такими же уютными и удобными, как жилища людей. Брат старался помочь им. – Миссис Мей внезапно смутилась, тихонько рассмеялась и, запинаясь, точно сама не принимала всего этого всерьёз, закончила: – Во всяком случае, так он мне говорил.

– Понятно, – снова сказал мистер Зловрединг.

Они принялись обходить дом, стараясь не попасть под капли, падающие с крыши.

– А при чём тут Том Доброу? – заговорил он снова, когда миссис Мей задержалась у бочки для дождевой воды.

Она обернулась и посмотрела ему в лицо.

– Ну не удивительно ли это? В моём возрасте – чуть не в семьдесят лет – получить в наследство этот домик и застать здесь хозяином Тома.

– Он тут вовсе не хозяин... всего лишь временный жилец.

– Я хочу сказать, – пояснила миссис Мей, – вообще застать его здесь. В старые времена, когда они были мальчиками, Том и брат часто вместе ставили капканы на кроликов... Они много чего придумывали вместе, но всему этому пришёл конец... после скандала.

– О, – воскликнул мистер Зловрединг, – значит, был скандал?

Они стояли перед изъеденной непогодой входной дверью, и, заинтересовавшись, помимо своего желания поверенный снял руку со щеколды.

– Ещё какой! – воскликнула миссис Мей. – Я думала, вы слышали об этом. Даже полисмен был в него втянут... вы помните Эрни Ранэйкра? Вся деревня только об этом и говорила. Кухарка и садовник каким-то образом пронюхали о добывайках и решили выкурить их из дома, для чего пригласили местного крысолова и послали сюда за Томом и его хорьком. Он был тогда ещё мальчик, внук лесника, лишь ненамного старше нас с братом.

Миссис Мей повернулась к поверенному:

– Да не могли вы не слышать обо всём этом!

Мистер Зловрединг нахмурился. В памяти стали всплывать какие-то смутные слухи... какая-то глупая история, приключившаяся в Фэрбанксе: кухарка по имени Дайвер или Драйвер, пропажа каких-то вещей из горки в гостиной...

– Что-то связанное с золотыми часами с изумрудами, да?

– Да, потому-то они и послали за полисменом.

– Но, – мистер Зловрединг ещё сильнее нахмурился, – эта женщина, Дайвер или...

– Драйвер. Именно так её звали.

– И этот садовник... Вы хотите сказать, что они верили, будто эти человечки существуют на самом деле?

– По-видимому, так, – ответила миссис Мей, – иначе они не стали бы заваривать всю эту кашу.

– И что же произошло? Их поймали? Нет-нет, я не это имел в виду! Я имел в виду – чем они оказались? Верно, мышами?

– Меня в то время не было в Фэрбанксе, но, по словам брата, добывайки выбрались из дома в самый последний момент через решётку в подвальном окошечке... знаете, такие отверстия в кирпичной кладке, которые делают для вентиляции. Они пробежали через фруктовый сад, поднялись по склону холма и ушли в поля.

Миссис Мей оглянулась по сторонам: сумерки сгущались всё больше.

– Кто-нибудь их видел? – спросил мистер Зловрединг.

– Нет.

Поверенный кинул быстрый взгляд на окутанные туманом склоны – тонувшие в полумраке леса позади бледных полей казались совсем чёрными – и заключил:

– Белки, вот что это такое было скорее всего.

– Возможно, – не стала спорить миссис Мей и отошла от него к пристроенной к дому прачечной, туда, где утром рабочие отрыли водосточную трубу. – По-моему, эта труба достаточно широкая, чтобы использовать её в качестве канализационной.

– Широкая – да, – согласился мистер Зловрединг, глядя на глиняные секции трубы, – но санитарный инспектор ни за что этого не допустит: все сточные трубы в этих краях идут напрямик в реку. Нет, боюсь, вам придётся поставить очистной бак.

– Так для чего тогда была эта труба?

Мистер Зловрединг кивнул на прачечную.

– Для воды от стирки и, возможно, из судомойни. – И, взглянув на часы, предложил: – Подвезти вас? Уже довольно поздно.

– Вы очень любезны, – поблагодарила миссис Мей, в то время как они шли обратно к двери.

– Это просто неслыханно, – возвращаясь к их разговору, сказал мистер Зловрединг, опуская руку на щеколду.

– Согласна с вами.

– Я имею в виду – дойти до того, чтобы вызывать полисмена. Невероятно.

– Вы совершенно правы, – сказала миссис Мей и принялась вытирать обувь о кусок мешковины, лежавший возле ступенек.

Мистер Зловрединг взглянул на свои ботинки и последовал её примеру.

– Ваш брат, должно быть, умел убеждать слушателей.

– О да.

– И был большой выдумщик.

– Ещё какой! По его словам, существовала целая колония этих человечков. Он рассказывал мне и о родственниках тех, кто жил в Фэрбанксе, – которые, как думали, поселились в барсучьей норе... здесь неподалёку, на опушке леса. Дядя Хендрири и тётя Люпи... – Она искоса взглянула на мистера Зловрединга. – У них было четверо детей...

– По словам вашего брата, – скептически заметил мистер Зловрединг и снова протянул руку к щеколде.

– И по словам старого Тома, – засмеялась миссис Мей и понизила голос. – Старый Том клянётся, что всё это – истинная правда, но утверждает, что жили они вовсе не в барсучьей норе – даже если и жили, то совсем недолго, – а за стенкой возле очага, между кладкой и штукатуркой.

– Какого очага? – тревожно спросил мистер Зловрединг.

– Этого, – ответила миссис Мей шёпотом, распахивая дверь. – Здесь, в этом самом доме.

– Здесь, в этом самом доме... – изумлённо повторил поверенный и отступил в сторону, чтобы пропустить миссис Мей, а сам вытянул вперёд шею и заглянул в комнату, не переступая порога.

Тихая комната казалась пустой: жёлтый свет лампы лился на каменный пол, в очаге тлели угли. У окна лежала грудa ореховых прутьев, очищенных от коры и расщеплённых, – заготовки для крыш; возле них стояло деревянное кресло. Вот всё, что они заметили. Неожиданно из тёмного угла у очага возникла Кейт.

– А, это вы... – Похоже, она собиралась сказать что-то ещё, но тут её взгляд, скользнув мимо миссис Мей, упал на мистера Зловрединга, всё ещё топтавшегося у порога. – Я проверила дымоход.

– Это я вижу – у тебя на лице сажа.

– Да? – равнодушно отозвалась Кейт, хотя глаза её блестели от возбуждения и, судя по всему, она не могла дождаться, когда мистер Зловрединг закроет дверь и уйдёт совсем.

Миссис Мей взглянула на пустое кресло, а затем – на дверь в прачечную.

– Где Том?

– Пошёл покормить свинью. – Кейт помолчала, потом, не удержавшись, выпалила: – Разве нам обязательно уже ехать? Тут через поле всего два шага, а мне ужасно нужно что-то вам показать...

Мистер Зловрединг взглянул на часы.

– Что ж, в таком случае...

– Да, пожалуйста, не ждите нас, – вырвалось у миссис Мей. – Как говорит Кейт, до Лейтон-Баззарда всего два шага...

– Я только хотел сказать, – бесстрастно добавил мистер Зловрединг уже с порога, застёгивая пальто, – что, поскольку дорога сюда такая узкая, а канавы полны воды, поеду вперёд и подожду вас у перекрёстка. Надеюсь, вы услышите гудок?

– Да-да, разумеется. Спасибо... Конечно, мы будем прислушиваться...

Когда дверь за поверенным закрылась, Кейт схватила миссис Мей за руку и нетерпеливо потащила к очагу.

– Мне столько надо рассказать вам. Столько, столько...

– Мы не были грубы с мистером Зловредингом? – встревожилась миссис Мей. – Мы не прогнали его?

– Что вы! Конечно, нет! Вы так красиво поблагодарили его. Но посмотрите сюда, пожалуйста.

Отпустив руку миссис Мей, Кейт кинулась вперёд и, пыхтя от напряжения, оттащила от стены дровяной ларь, стоявший рядом с очагом. Глазам открылось отверстие с остроугольным верхом в плинтусе под панелью.

– Вот где они жили!..

Миссис Мей помимо воли почувствовала странное волнение и, глядя вниз, на крысиную дыру, сказала неуверенно:

– Не следует быть легковверными, Кейт. Я хочу сказать, нельзя верить абсолютно всему, что мы слышим. Ты же знаешь, что говорят о старом Томе.

– Где, в деревне? Да знаю я, что они говорят: «Самый отъявленный лгун в пяти графствах», – но ведь говорить так стали из-за добываек. Понимаете, вначале он всем о них рассказывал, а не следовало. Он думал, людям будет интересно, но им вовсе не было интересно... ни капельки: они ему просто не верили. – Кейт опустилась на колени и, тяжело дыша, заглянула в дыру. – По-моему, был только один человек, кроме Тома, который верил в существование добываек.

– Ты имеешь в виду миссис Драйвер, кухарку из Фэрбанкакса?

Кейт нахмурилась и, выпрямившись, села на пятки.

– Нет, вряд ли миссис Драйвер по-настоящему верила в них. Я знаю, что она их видела, но, думаю, не поверила своим глазам. Нет, я говорю о другом человеке – о цыгане по прозвищу Кривой Глаз. Он вытряхнул их из ботинка на пол своего фургона и увидел прямо у себя под носом. Какие уж тут сомнения? Он попробовал их схватить, говорит Том: хотел посадить наших добываек в клетку и показывать на ярмарке за деньги, но они ускользнули. Конечно, с помощью Спиллера.

– А кто такой Спиллер? – спросила миссис Мей, всё ещё заворожённо глядя на крысиную дыру.

– Вы не слышали о Спиллере? – удивилась Кейт.

– Нет.

– О! Спиллер – настоящее чудо!

– Не сомневаюсь. – Миссис Мей подтащила к себе стул с плетёным сиденьем и тяжело опустилась на него. – Но не забывай: вы с Томом разговариваете целыми днями, я же не совсем в курсе событий... Кем он считался, этот Спиллер? Добывайкой?

– Он им и был, но – как бы это сказать? – диким: жил где придётся, одевался в вонючие кротовые шкуры и, если честно, никогда не мылся...

– Он мне почему-то не кажется таким уж чудом.

– Ой, что вы! Он сбегал за Томом, и Том кинулся туда и спас их: схватил с пола прямо из-под носа у цыган и в собственном кармане принёс сюда – всех четверых: Спиллера, Пода, Хомили и Арриэгту. – Кейт притопнула ногой по тёплым каменным плитам пола. – На это самое место. Потом они, бедняжки, убежали за стену через эту крысиную дыру и забрались по крошечной лестнице наверх, туда, где жили их родичи...

Неожиданно Кейт вскочила на ноги и, вытянув руку вверх, постучала по штукатурке возле очага.

– Их дом, этих родичей, был где-то здесь. Довольно высоко. Они жили на двух этажах между стенкой прачечной и этой стенкой. Том говорит, они пользовались водой из трубы, что идёт от бака на крыше в прачечную, проделав в ней дырки с затычками. Арриэтте не нравилось там, наверху, и она каждый вечер спускалась потихоньку сюда и болтала с Томом. Но наша семья – Куранты – недолго тут оставалась. Понимаете, произошло кое-что ужасное...

– Рассказывай же, – поторопила миссис Мей.

– Нам не успеть: мистер Зловрединг вот-вот начнёт нервничать, – да и рассказывать про это должен старый Том, который, похоже, всё про них знает – даже то, что они говорили и делали, когда их никто не видел.

– Да, он прирождённый рассказчик, – рассмеялась миссис Мей. – И разбирается в людях. Когда приходится бороться за жизнь, люди ведут себя одинаково – конечно, согласно своему характеру и темпераменту – независимо от роста и общественного положения.

Миссис Мей наклонилась вперёд, словно собиралась получше рассмотреть плитус, и добавила:

– Даже я могу представить себе, что чувствовала Хомили, лишённая домашнего крова и всего своего добра, оказавшись перед этой тёмной дырой... А наверху родственники, которые вовсе её не ждут и которых она не видела уже тысячу лет.

Но миссис Мей ошибалась, потому что не представляла, какую радость испытывают добывайки, оказавшись в надёжном убежище, где им ничто не грозит...

Глава вторая

Немного нервничая и слегка робея, один за другим они прошли через узкую и высокую дыру в деревянной стенной панели. Внутри было темновато, как в пещере. К их разочарованию, помещение оказалось нежилым, и в нём пахло пылью и мышами.

– Ах ты боже мой! – пробормотала Хомили. – Как же они здесь живут?

Неожиданно остановившись, она подобрала что-то с пола и возбуждённо прошептала:

– Ты только посмотри, что я нашла! Знаешь, что это такое?

– Да, – ответил Под, когда Хомили помахала у него перед носом чем-то белёсым, – это кусочек пера для чистки трубки. Положи его на место и идём: нас ждёт Спиллер.

– Это носик от нашего старого чайника из жёлудя – вот что это такое. Я бы его узнала из тысячи, и тебе меня не переубедить. Значит, они здесь... – удивлённо констатировала Хомили, шагая за Подом в густую тень, где их уже ждали Спиллер и Арриэтта.

– Мы поднимемся здесь, – сказал Спиллер, положив руку на приставную лестницу, возле которой стоял.

Хомили подняла глаза и посмотрела вверх, куда уходили перекладки, исчезая во мраке, и вздрогнула. Лестница была сделана из спичек, аккуратно склеенных и соединённых с половинками расщеплённой палки наподобие тех, что используют в качестве подпорок для растений в горшках.

– Нам лучше подниматься по одному, и я пойду первым, – решил Под.

Хомили со страхом смотрела мужу вслед, пока не услышала его голос сверху, откуда-то из темноты:

– Всё в порядке, поднимайтесь.

У Хомили дрожали колени, но она успешно добралась до едва освещённой площадки, похожей на парящую в воздухе сцену, и та еле слышно скрипнула и покачнулась под её весом. Внизу осталась чёрная пустота, впереди ждала открытая дверь.

– О господи! Только бы не сломать себе шею, – пробормотала Хомили и посоветовала Арриэтте, поднимавшейся следом за ней: – Не смотри вниз!

Арриэтта и не собиралась туда смотреть: всё её внимание занимал освещённый дверной проём, в котором двигались тени, откуда слышались негромкие голоса и чей-то звонкий смех.

– Идём, – позвал Спиллер, увлекая её к двери.

Арриэтта навсегда запомнила своё первое впечатление от этой комнаты наверху. Там было тепло, неожиданно чисто, мерцал огонёк свечи, пахло домашней едой, а ещё звучали голоса... много голосов.

Мало-помалу выйдя из оцепенения, она начала понимать, кто есть кто. Эта женщина, что сейчас обнимает её мать, вся такая кругленькая и сияющая, должно быть, тётя Люпи. Почему они так вцепились друг в друга, и плачут, и жмут друг другу руки? Их отношения никогда не отличались особенной теплотой, и все вокруг об этом знали. Хомили всегда считала Люпи высокомерной, потому что в старом доме та жила в гостиной и даже, как говорили, переде-

вალაсть к ужину. А Люпи, в свою очередь, относилась к Хомили пренебрежительно из-за её слишком уж простого быта под полом кухни и невыразительной, неухоженной внешности.

В комнате был и дядя Хендрири. Борода его заметно поредела, и он говорил отцу Арриэтты, что это никак не может быть она, а Под с гордостью возражал, что именно так и есть. Как звали трёх мальчиков – своих двоюродных братьев, выросших, но всё равно похожих друг на друга, – она не помнила.

И ещё там была женщина, худенькая, высокая, как будто из сказки, не старая и не молодая, которая держалась в тени и смущённо улыбалась.

Хомили, увидев её, всплеснула руками и воскликнула:

– Неужели это Эглтина? Не может быть!

Арриэтта смотрела во все глаза и сама себе не верила. Неужели это действительно Эглтина, её давно пропавшая двоюродная сестра, которая однажды сбежала из-под пола, и с тех пор её никто больше не видел? Для Арриэтты её история была чем-то вроде легенды, страшной сказки, которую она слышала с самого детства. И вот теперь Эглтина здесь, перед ней, живая и невредимая, если только всё это им не снилось.

В этой комнате, обставленной кукольной мебелью, совершенно разномастной и непропорциональной, было и правда что-то странно нереальное, так что всё происходящее вполне

могло оказаться сном. Кресла, обитые репсом или бархатом, были либо слишком маленькие, чтобы в них сидеть, либо, наоборот, чересчур глубокие и высокие.

Вдоль стен выстроились шифоньеры, упиравшиеся в потолок, а столы оказались неудобно низкими. В игрушечном камине «пылали» раскрашенные угли из гипса, и каминный прибор составлял одно целое с решёткой. Два фальшивых окна прикрывали красные атласные шторы с пышными ламбрекенами, и в каждом был от руки нарисован вид: за одним окном – Швейцарские Альпы, за другим – Шервудский лес. («Это Эглтина нарисовала, – сообщила тетя Люпи бархатным светским голосом. – Как только у нас появятся ещё занавески, мы сделаем третье окно, с видом на озеро Комо с горы Сан-Примо».) В этой комнате было множество самых разных ламп, настольных и не только, все под абажурами с фестонами, кисточками или бахромой, но освещали комнату, с удивлением заметила Арриэтта, знакомые скромные маковые свечи, точно такие же, какие они делали дома.

Оттого, что все родственники выглядели очень опрятными и чистыми, Арриэтта засмущалась ещё больше. Бросив быстрый взгляд на отца и мать, она и вовсе расстроилась: они уже больше месяца не стирали одежду и несколько дней не умывались. У Пода были разорваны на колене брюки, а у Хомили сосульками висели волосы. Тётя Люпи, пухленькая и вежливая, принялась упрасивать Хомили снять верхнюю одежду таким голосом, каким, как представлялось Арриэтте, предлагают передать лакею боа из перьев, бальную накидку и сверкающие белизной лайковые перчатки.

Только Арриэтта переживала напрасно: Хомили, которая дома всегда боялась предстать перед посторонними в грязном фартуке, не растерялась. Вспомнив роль женщины-измученной-до-предела, она добавила к ней образ страдающей-но-не-будем-сейчас-об-этом и сопроводила всё это новой улыбкой, бледной, но отважной, и – с той же благой целью – вытащила из пыльных волос две последние шпильки.

– Люпи, бедняжка, сколько здесь мебели! Кто помогает тебе вытирать пыль? – картинно закатив глаза, произнесла Хомили и, чуть покачнувшись, рухнула на стул.

Все бросились к ней, как она и ожидала, принесли воды, помогли умыться и ополоснуть руки. Хендрири, глядя на неё полными слёз глазами, пробормотал:

– Бедняжка! Уму непостижимо, как столь хрупкое существо смогло столько вынести...

Потом, когда гости немного привели себя в порядок, все уселись ужинать. Ели в кухне, которая хоть и разочаровала Хомили, зато там горел настоящий огонь. Плитой служил большой чёрный дверной замок. Угли помещивали через замочную скважину, а дым, как объяснила Люпи, уходил через систему труб в дымоход коттеджа. Много места занимал длинный белый стол, роль которого выполнял наличник двери гостиной, покрытый белой эмалью и разрисованный незабудками, который крепко держался на четырёх огрызках карандашей, поставленных так, что грифели попадали в отверстия для шурупов и их кончики чуть возвышались над поверхностью. Один из карандашей оказался чернильным, и гостей предупредили, чтобы до него не дотрагивались, иначе испачкают руки.

На столе было множество разнообразных блюд, как настоящих, так и муляжей. Пирог, пудинги и консервированные фрукты Люпи приготовила сама, а гипсовую баранью ногу и блюдо с такими же пирожными позаимствовала в кукольном домике. Между тарелками нашли своё место два графина зелёного стекла, три настоящих широких стакана и чашки из желудей.

Разговоры, разговоры, разговоры... Арриэтта ошеломлённо слушала, пока наконец-то не поняла, почему их ждали. Похоже, Спиллер, обнаружив, что пещера опустела, обитатели ботинка исчезли, как и сам ботинок, собрал их пожитки, побежал к юному Тому и всё ему рассказал.

Люпи стало нехорошо, когда они упомянули имя мальчика, и ей пришлось выйти из-за стола. Она немного посидела в другой комнате на хрупком позолоченном стуле, поставленном

в дверном проёме – «на сквозняке», как она сама сказала, – обмахивая своё круглое красное лицо пером жаворонка.

– Мама всегда так – стоит упомянуть человека, – объяснил старший сын Люпи. – Бесполезно говорить, что он и мухи не обидит!

– Этого нельзя знать наверняка, – мрачно возразила Люпи со своего стула в дверном проёме. – Он уже почти взрослый, а они, говорят, именно в этот момент становятся опасными...

– Совершенно верно, – поддержал Люпи Под. – Я и сам им никогда не доверяю.

– О, как вы можете такое говорить! – воскликнула Арриэтта. – Вспомните, как Том буквально вырвал нас из лап смерти!

– Как это вырвал? – взвизгнула Люпи. – Ты хочешь сказать, что он брал вас руками?

– Разумеется, – пожала плечами Хомили и хохотнула, без остановки гоняя шарик малины по своей скользкой тарелке. – Ничего особенного.

– Даже представить страшно! – слабым голосом произнесла Люпи. – Надеюсь, вы меня извините, но мне надо пойти и прилечь... ненадолго.

Когда она подняла своё пышное тело с крошечного стульчика, тот покачнулся, и Хомили, которой сразу стало лучше, как только Люпи ушла, спросила совершенно нормальным голосом:

– Кто-то из большого дома в обычной белой наволочке принес её сюда.

– Из нашего дома? – уточнил Под.

– Судя по всему, – кивнул Хендрири, – вся эта мебель из того кукольного домика, который стоял в комнате для занятий, помнишь? На верхней полке шкафа с игрушками, справа от двери.

– Разумеется, помню: ведь кое-что из этой мебели принадлежит мне, – проворчала Хомили и, повернувшись к Арриэтте и понизив голос, добавила: – Жаль, что мы не сохранили ту опись, ту самую, которую ты составила на промокашке. Помнишь?

Арриэтта, уже догадавшись, что без ссор в будущем не обойдётся, кивнула и вдруг почувствовала страшную усталость. Разговоров оказалось слишком много, да и жарко было в переполненной комнате.

– И кто всё это принёс? – поинтересовался Под. – Кто-то из человек?

– Наверняка, – подтвердил Хендрири. – Наволочка лежала на другой стороне насыпи. Это случилось вскоре после того, как нам пришлось уйти из барсучьей норы и устроиться в плите...

– А что это была за плита? Не та ли, что валялась возле табора?

– Она самая, – подтвердил Хендрири. – Мы прожили в ней целых два года.

– На мой взгляд, слишком близко к цыганам, – заметил Под, отрезал себе добрый кусок горячего варёного каштана и густо намазал его сливочным маслом.

– А что делать? Нравится тебе или нет, приходится селиться поближе к человекам, если ты добывайка, – объяснил Хендрири.

Под так удивился, что даже забыл про каштан, и воскликнул:

– Ты добывал в таборе? В твоём-то возрасте!

Хендрири еле заметно пожал плечами и скромно промолчал, а Хомили восхищённо выдохнула:

– Вот это да! Какой у меня брат! Ты представляешь, Под?

– А я вот о чём подумал, – поднял голову Под. – Как ты поступал с дымом?

– Не было никакого дыма, – объяснил Хендрири, – ведь плита-то газовая.

– Готовить на газе! – мечтательно воскликнула Хомили.

– Мы заимствовали его из трубы, которую проложила вдоль всей насыпи газовая компания. Печка была опрокинута, ты же помнишь. Мы прорыли туннель через дымоход и провели в нём полтора месяца, но дело того стоило: у нас было три горелки.

- А как же вы их зажигали, потом тушили? – в недоумении полюбопытствовал Под.
- Так мы их не тушили: один раз зажгли – и всё. Они и сейчас горят.
- Ты хочешь сказать, что до сих пор туда ходишь?

Хендрири сдержал зевот (они сытно поужинали, и в комнате было душновато) и покачал головой.

- Там живёт Спиллер.

– О! – воскликнула Хомили. – Так вот на чём он готовил еду! Мог бы и нам об этом сказать или хотя бы к себе пригласить...

– Спиллер не мог этого сделать, – сказал Хендрири. – Обжегшись на молоке, дуют на воду, как говорится.

- О чём это ты? – не поняла Хомили.

– После того как мы покинули барсучью нору... – начал было Хендрири, но осёкся: ему явно было немного стыдно. – В общем, в этой плите он жил сам. Спиллер пригласил нас перекусить и отдохнуть, а мы остались на пару лет...

- Но уже после того, как вы добрались до газа, – заметил Под.

- Верно, – подтвердил Хендрири. – Мы готовили еду, а Спиллер добывал.

– Ага! Спиллер добывал? Теперь понимаю. Нам с тобой придётся признать, что мы уже не так молоды, как когда-то.

- А где сейчас Спиллер? – вдруг спросила Арриэтта.

– О, он ушёл, – неопределённо сказал Хендрири, которому явно было не по себе, судя по тому, что хмурился и постукивал по столу оловянной ложкой.

(Одной из её полудюжины, сердито вспомнила Хомили, гадая, сколько их всего осталось.)

- Куда ушёл? – уточнила Арриэтта.

- Домой, я думаю, – ответил Хендрири.

– Но мы ведь его даже не поблагодарили! – воскликнула Арриэтта. – Спиллер спас нам жизнь!

Хендрири стряхнул мрачное настроение и неожиданно предложил Поду:

- Как насчёт черничной наливки? Люпи сама её делает. Это нас немного подбодрит...

– Нет, спасибо, – твёрдо отказалась Хомили, не дав Поду возможность ответить. – Из этого никогда ничего хорошего не выходило, как мы успели выяснить.

– Но что подумает Спиллер? – не унималась Арриэтта, и в глазах её опять появились слёзы. – Мы даже не сказали ему «спасибо».

– Спиллеру? – удивлённо посмотрел на неё Хендрири. – Он не ждёт благодарности. С ним всё в порядке.

- Почему он не остался на ужин?

– Да он никогда не остаётся, – объяснил Хендрири, – потому что не любит компанию. Еду он готовит себе сам.

- Где?

- В той самой плите.

- Но до неё так долго идти!

- Только не для Спиллера. К тому же часть пути он проплывёт на своей барке.

- Уже, наверное, стемнело, – вздохнула Арриэтта.

- Да не беспокойся ты за Спиллера, – сказал с улыбкой дядя, – ешь лучше свой пирог...

Арриэтта посмотрела на тарелку: розовую, целлулоидную, из чайного сервиза, хорошо ей знакомого, – и поняла, что есть ей совершенно не хочется.

- А когда Спиллер вернётся? – спросила она с тревогой.

- Он редко сюда приходит: два раза в год за новой одеждой или если юный Том позовёт.

Арриэтта задумалась, потом грустно произнесла:

- Должно быть, ему очень одиноко.

– Спиллеру? Нет, я бы не сказал. Среди добываек такие, как он, одиночки встречаются. – Хендрири задумчиво перевёл взгляд на свою дочь, сидевшую в одиночестве у огня. – Вот и Эглтина такая... Жаль, но с этим ничего не поделаешь. У таких добываек особое отношение к человекам: они, как говорится, едят у них с руки...

Когда вернулась отдохнувшая Люпи, беседа продолжилась, и никто не заметил, как Арриэтта выскользнула из-за стола и направилась в сторону соседней комнаты. До неё ещё долго доносились разговоры взрослых обо всём на свете: о том, как будут жить на новом месте; как обустроить квартиру из нескольких комнат наверху; об опасностях, которые могут подстергать их на новом месте, и о правилах, соблюдая которые их можно избежать (лестницу обязательно надо втаскивать на ночь наверх, но прежде убедиться, что мужчины вернулись); мальчиков по одному можно отпускать со старшими учиться добывать, но женщины, как принято, должны оставаться дома. Она услышала также, как её матушка отказалась от предложения пользоваться кухней:

– Спасибо, Люпи. Ты очень добра, но нам лучше с самого начала жить так, как будет дальше, то есть отдельно, согласна?

«Опять всё сначала», – вздохнула Арриэтта, усаживаясь в жёсткое кресло в соседней комнате. Разница в том, что теперь они будут жить не под полом, а повыше, между дранкой и штукатуркой, пыльные проходы заменят лестницы, а платформа – колосниковую решётку. Во всяком случае, она очень на это надеялась.

Арриэтта оглядела заставленную мебелью комнату, и предметы из кукольного домика вдруг показались ей нелепыми: всё напоказ и ничего для удобства. Фальшивый уголь в камине потерял свой вид, краска стёрлась: похоже, Люпи слишком часто его чистила, – а нарисованные в окнах пейзажи по краям были захватаны пальцами.

Арриэтта вышла на тускло освещённую площадку, где тени и пыль непременно напомнили бы ей кулисы, если бы она знала, что это такое. Заметив, что лестница стоит на месте (значит, кто-то ушёл добывать), она едва не заплакала: бедный Спиллер... одиночка, как они его называли. «Возможно, и я такая же», – с жалостью к себе подумала Арриэтта.

Как темно было в этом чужом доме – почти так же темно, как под полом кухни в Фербанксе, ведь освещали его лишь самодельные восковые свечи, наколотые на острия кнопок. («Сколько человеческих жилищ, – вдруг подумала Арриэтта, – сгорело из-за беспечности добываек, снующих взад и вперёд с горящими свечами в руках».) Как ни старалась Люпи навести чистоту, пахло сажей и из углов тянуло прогорклым сыром.

Братцы спали в кухне – ради тепла, объяснила Люпи; нарядной гостиной пользовались лишь по особым случаям. Снаружи от неё была неосвещённая площадка, с которой спускалась вниз шаткая лестница.

Две комнаты, которые им отвела Люпи, находились над площадкой, скрытые в полумраке. Лестницу к этим комнатам смастерить ещё не успели, и добраться до жёсткого настила, сделанного Хендрири из крышки обувной коробки, можно было, только цепляясь пальцами за дранку и вслепую нащупывая место для ноги.

– Ну, ты приведёшь тут всё в жилой вид, – сказала Люпи, поскольку знала, что у Пода золотые руки, – а мы одолжим вам кое-что из мебели.

– Для начала... – пробормотала Хомили в то первое утро, поднимаясь, шаг за шагом, вслед за Подом по дранкам, поскольку, в отличие от большинства добываек, боялась высоты и не увлекалась лазанием. – А потом что?

Взглянуть вниз было страшно. Она знала, что площадка там неустойчивая, а от неё отходит спичечная лестница, похожая на рыбью кость.

«Ладно, – пыталась она себя утешить, неуклюже нащупывая место, куда поставить ногу, – пусть подъём и крутой, зато вход отдельный...»

– Как тебе тут, Под? – спросила Хомили, просовывая наконец голову в круглый люк, прорезанный в полу (ну и странно же это выглядело – словно её голову отделили от плеч).

– Здесь сухо, – ответил Под уклончиво и топнул несколько раз по полу, точно желая проверить его крепость.

– Ой, не топай так сильно! – взмолилась Хомили, еле удержавшись на ногах. – Это всего лишь картон.

– Знаю, – сказал Под и добавил, когда Хомили добралась до него: – Но дарёному коню в зубы не смотрят...

– Дома под кухней, – сказала Хомили, осматриваясь, – мы по крайней мере были на твёрдой земле...

– Когда это было! Уже и в ботинке пожить пришлось, – напомнил Под, – и в пещере на берегу. И чуть с голоду не умерли. И чуть не замёрзли насмерть. И чуть не попали в руки к цыганам.

Хомили ещё раз огляделась по сторонам. Две комнаты? Назвать их так можно, лишь обладая богатым воображением. Кусок картона между двумя решётками дранки, разделённый книжным переплётом, где на тёмно-красном холсте тускло поблёскивало вытесненное золотом название: «Разведение свиней. Ежегодник». В этой стене Хендрири вырезал дверь. Потолков вообще не было, и откуда-то сверху падал слабый свет. Верно, через щель между половицами и стеной в спальне лесника, подумала Хомили.

– Кто там спит? – спросила она Пода. – Отец этого мальчика?

– Дед.

– Не удивлюсь, если он наставит мышеловок или ещё чего, чтобы нас поймать.

– Спору нет: когда имеешь дело с лесниками, надо сидеть тишком, – согласился Под. – Правда, он на целый день уходит из дому, и мальчик с ним...

Осмотревшись, Под добавил:

– Да, здесь сухо и тепло.

– Не очень-то, – возразила Хомили.

Шагнув в проём между комнатами, она увидела, что дверь держится на холстине переплёта, которую Хендрири оставил неразрезанной, и заметила:

– Скоро обтреплется, вот увидишь. И что тогда?

– Я могу прошить холст сапожными нитками. Пара пустяков. – Под прижал ладони к каменной кладке дальней стены и объяснил: – Дымоход. Тёплый, да?

– Да, – хмыкнула Хомили, – когда прижмёшься к нему.

– Что, если нам спать тут, рядом с трубой?

– На чём?

– Они вроде собирались одолжить нам кровати.

– Нет, лучше использовать дымоход для стряпни. – Хомили ощупала руками кладку и принялась выколупывать штукатурку из вертикальной трещины между камнями. – Тут можно добраться до жара.

– Но ведь мы будем питаться внизу все вместе, – напомнил Под. – Вроде так договорились... И готовить будем вместе.

– Вместе готовить, вместе добывать... но тебе добывать здесь будет нечего, – возразила Хомили.

– Чепуха, – сказал Под. – С чего ты взяла?

– А с того, что в таком небольшом доме, как этот, где живут всего двое человек: старик и мальчик, – нет столько поживы, сколько в Фэрбанксе. Попомни мои слова. Я разговаривала

с Люпи: Хендрири и двое старших парнишек вполне здесь управляются, – а ты станешь у них отбивать хлеб. Вряд ли это им придётся по вкусу.

– Так что же делать? – немного растерялся Под. Глаза у него округлились, стали пустыми.

Добывайка, лишённый возможности добывать, в особенности такой мастер своего дела, как Под!

– Займёшься мебелью скорее всего.

– Но они же сказали, что дадут нам её взаймы.

– Дадут взаймы! – прошипела Хомили. – Всё, что у них есть, было нашим!

– Полно тебе... – начал было Под, но Хомили, понизив голос до шёпота, продолжила:

– Всё, до последней вещи. И это красное бархатное кресло, и кухонный шкаф для посуды с нарисованными тарелками – всё, что мальчик принёс нам из кукольного домика...

– Но плита из замка их собственная, – вставил Под, – и стол из дверного наличника. И этот...

– ...И гипсовая баранья нога была наша, – прервала его Хомили, – и блюдо с гипсовым тортом. И кровати наши были, и диван. И пальма в кадке...

– Послушай, Хомили, – взмолился Под, – мы уже обсуждали всё это, вспомни. Как говорится, что с воза упало, то пропало; что нашёл, то моё. Для них мы тогда всё равно что умерли... ну, вроде как сквозь землю провалились или в воду канули. Все эти вещи им принесли в простой белой наволочке и сложили у дверей. Понимаешь, что я хочу сказать? Вроде как мы их оставили им в наследство.

– Оставить что-нибудь Люпи? Да ни за что! – воскликнула Хомили.

– Право же, следует признать, что они были к нам добры.

– Да уж, – согласилась Хомили и грустно посмотрела вокруг.

Картонный пол был усеян кусками упавшей сверху штукатурки, и Хомили рассеянно принялась подталкивать их ногой туда, где между ровным краем картона и бугристой обмазкой стены имелись небольшие отверстия. Обломки с шумом обрушились вниз, в кухню Люпи, и Под воскликнул:

– Видишь, что ты наделала? Если нам дорога жизнь, не следует поднимать шум. Особенно такой. Для человека, если где что шуршит или скребётся, – это мыши или белки. Сама знаешь не хуже меня.

– Прости... – сказала Хомили.

– Погоди-ка минутку.

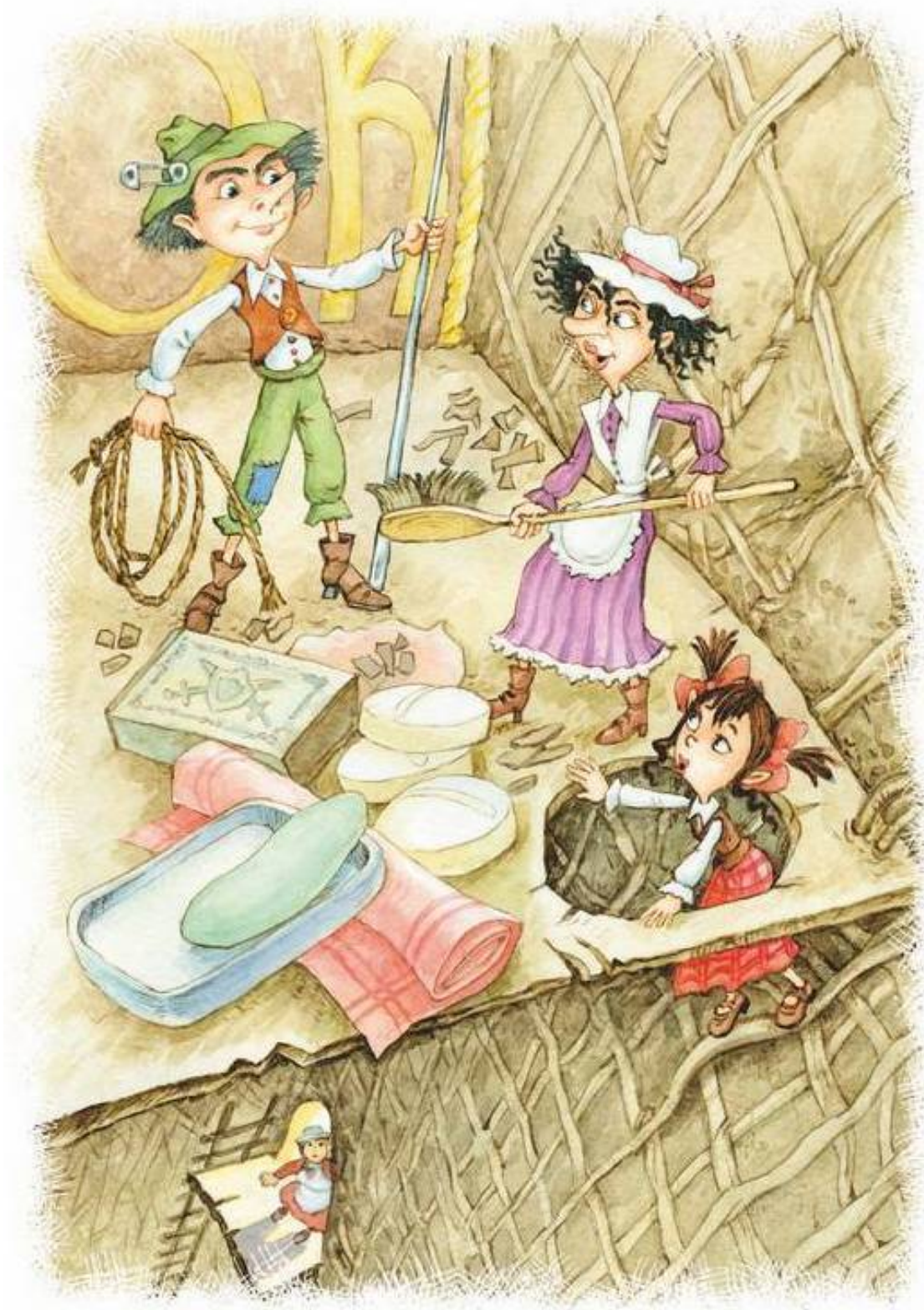
Всё это время Под пристально смотрел на луч света, падавший сверху, и сейчас, не успела Хомили отозваться, быстро полез по дранке к щели, откуда он выбивался.

– Осторожней! – шепнула Хомили.

Ей показалось, что он тащит какой-то предмет: какой – было не видно, но, судя по пылению Пода, тяжёлый.

– Не волнуйся: там, наверху, сейчас никого нет. Принимай, – закончив спуск, сказал Под и передал жене старую костяную зубную щётку. – Первая добыча. Кто-то уронил её там, в спальне, и она застряла между полом и стеной. Залезть туда, в комнату, проще простого: то ли стена немного отошла, то ли половицы усохли, – а дальше щель ещё шире...

Сказано это было нарочито скромно, но Хомили видела, что он доволен.

– Принимай ещё, – добавил Под, передавая ей довольно большую раковину, которую вытащил из обмазки стены. – Ты подмети тут, а я снова поднимусь наверх. Самое время, пока никого нет.

– Только осторожней, Под... – с гордостью и беспокойством попросила Хомили.

Она не сводила с мужа глаз, пока он взбирался по дранке, и лишь после того, как исчез из виду, принялась подметать пол, используя раковину вместо совка. К тому времени, когда снизу поднялась Арриэтта, чтобы сообщить, что их ждут к столу, на полу лежала неплохая добыча: доньшко фарфоровой мыльницы (таз для умывания), вязанная тамбуром жёлтая с красным салфетка под блюдо, из которой мог выйти коврик, светло-зелёный обмылок, длинная штопальная игла (чуть заржавевшая), три таблетки аспирина, пачка пёрышек для чистки трубок и длинный кусок просмоленной бечёвки.

– Я вроде бы нагулял аппетит, – сказал Под, очень довольный собой.

Глава третья

Они спустились по дранке на площадку и, держась подалеже от её краёв, прошли в гостиную, а через неё – в кухню.

– Ну наконец-то! – воскликнула Люпи громким, сочным, «тётушкиным» голосом.

Рядом с ней – пухленькой, розовой от печного жара, в пунцовом шёлковом платье – Хомили казалась ещё более тощей и угловатой – форменная прищепка для белья.

– Мы уж собирались без вас начинать.

Кухня освещалась одной-единственной лампой, роль которой выполняла серебряная солонка с дырочками наверху, из которой торчал фитиль. Воздух был неподвижным, пламя горело ровно, но слабо, и фарфоровая столешница, белая как лёд, тонула в полумраке.

Эглтина у плиты разливала суп по жёлтым раковинам от улиток, вычищенным и отполированным, и Тиммис, младший мальчик, ещё нетвёрдо державшийся на ногах, разносил их. «Как они похожи друг на друга! – подумала Арриэтта. – Оба тихие, бледные и как будто насто-рожённые». Хендрири и два старших мальчика уже сидели за столом и жадно хлебали суп.

– Встаньте! – шутливо приказала Люпи. – Вы должны вставать, когда в комнату входит ваша тётя!

Мальчики неохотно поднялись и тут же плюхнулись обратно. «Ох уж эти Клавесины, – было написано у них на лицах, – со своими хорошими манерами». Братцы были слишком молоды, чтобы помнить благословенные дни в гостинной большого дома: ромовые бабы, китайский чай, музыка по вечерам, – и, неотёсанные, подозрительные, почти не раскрывали рта. «Мы не очень-то им нравимся», – подумала Арриэтта, занимая своё место за столом. Маленький Тиммис, прихватив раковину тряпкой, принёс ей суп. Тонкие стенки «тарелки» были так горячи, что Арриэтта с трудом удержала её в руках.

Еда была простая, но питательная: суп и варёные бобы с каплей мясного соуса – по одному бобу на каждого. Ничего похожего на роскошное угощение, поданное на ужин, когда Люпи выставила на стол все свои запасы. Казалось, они с Хендрири посовещались и решили спуститься на более низкую ступень. «Мы должны начать так, – наверное, сказала твёрдым, уверенным голосом Люпи, – как собираемся продолжать».

Однако Хендрири и старшим братцам подали омлет из яйца ласточки, приготовленный Люпи собственноручно на жестяной крышке. Приправленный тимьяном и диким чесноком, он издавал восхитительный запах.

– Они сегодня всё утро искали добычу, – объяснила это обстоятельство Люпи. – Выйти можно, только если открыта входная дверь, и бывает, что обратно не попасть. Однажды Хендрири пришлось три ночи провести в дровяном сарае.

Хомили посмотрела на мужа, который уже прикончил свой боб и теперь сидел, уставившись в одну точку, и заметила небрежно:

– Под тоже кое-что добыл сегодня утром. Правда, он ходил не столько далеко, сколько высоко, но от этого живот подводит не меньше.

– Добыл? – удивился дядя Хендрири, да так, что перестал жевать: его реденькая борода больше не двигалась вверх-вниз.

– Так, кое-что, – скромно сказал Под.

– Но где? – спросил дядя Хендрири, не отрывая от него взгляда.

– В спальне старика. Она как раз над нами...

С минуту Хендрири молчал, затем проговорил, но таким тоном, точно собирался делать выговор:

– Что ж, прекрасно, Под. Но мы должны действовать по плану. В этом доме не так-то много добычи, и разбазаривать её нельзя. Мы не можем все кидаться на неё, как быки на ворота.

Он положил в рот кусок омлета и принялся медленно жевать: Арриэтта как заворожённая смотрела на его бороду и её тень на стене, – а проглотив, добавил:

– Я буду тебе весьма признателен, если на время перестанешь ходить за добычей. Мы знаем здешнюю территорию, так сказать, и работаем своими методами. Лучше мы пока что будем всё вам давать взаймы. А еды на всех хватит, если вам не нужны разносолы.

Наступило молчание. Арриэтта заметила, что старшие мальчики, проглотив омлет, уставились в тарелки. Люпи гремела посудой у плиты. Эглтина с преувеличенным вниманием рассматривала свои руки, а Тиммис переводил удивлённый взгляд с одного на другого, и его широко раскрытые глаза казались ещё больше на маленьком бледном личике.

– Как скажешь, – медленно произнёс Под.

Люпи поспешила обратно к столу и весело сказала, нарушая неловкое молчание:

– Хомили, если у тебя сегодня днём найдётся свободная минутка, не поможешь ли мне с шитьём? Я готовлю летнюю одежду для Спиллера. Буду тебе очень благодарна.

Хомили подумала о неудобных комнатах наверху: так не терпелось за них взяться, – но всё же, выдавив улыбку, сказала:

– Конечно.

– Я всегда заканчиваю шитьё к весне, – объяснила Люпи, – а завтра уже первое марта. Она принялась убирать со стола, и все вскочили, чтобы помочь ей.

– Но где он сам-то, Спиллер? – поинтересовалась Хомили, пытаясь сложить раковины стопкой.

– Понятия не имею, – пожала плечами Люпи. – Отправился куда-то, какая-нибудь новая затея. Никому не известно, где он. И что делает, если уж о том зашла речь. Что касается меня, каждую осень я шью ему кротовую одежду, а белую лайковую – каждую весну, и он всегда за ней приходит.

Люпи вынула затычку из трубы (как они сами делали в старом доме, вспомнила Арриэтта) и набрала воды для мытья посуды.

– Какая ты добрая! – заметила Арриэтта, наблюдая, как Люпи полощет раковины в хрустальной солонке и ставит рядом сохнуть.

– Всего лишь по-человечески, – сказала Люпи.

– Как ты сказала? «По-человечески»? – воскликнула Хомили, удивлённая и напуганная столь необычным словом.

– В данном случае я имела в виду «отзывчиво, внимательно», – объяснила Люпи, вспомнив, что Хомили, бедняжка, не получила никакого образования, потому что детство её прошло под кухней. – Это не имеет никакого отношения к человекам. Какая тут связь?

– Вот и я спрашиваю себя о том же...

– К тому же Спиллер приносит нам за это разные вещи.

– Понятно, – немного успокоилась Хомили.

– Он охотится, а я копчу для него мясо – здесь, в дымоходе. Часть мы съедаем, часть он забирает. Что остаётся, я вялю и кладу в банки, а сверху заливаю маслом, – хранится в таком виде чуть не год. Он приносит птичьи яйца, и ягоды, и орехи... и рыбу с реки. Рыбу я тоже копчу или мариную. Кое-что засаливаю... А если нам нужна какая-то определённая вещь, надо только сказать Спиллеру – конечно, заранее, – и он добудет её у цыган. Старая плита, в которой он живёт, лежит рядом с выгоном, где они останавливаются. Дайте Спиллеру время, и он принесёт от цыган всё, что хотите. Вот как-то принёс целый рукав от парусинового плаща... очень нам пригодился: мы все в него залезли, когда летом сюда налетели пчёлы.

– Пчёлы? – рассеянно пробормотала Хомили.

– Разве я не говорила про пчёл на крыше? Их больше нет, улетели. Но благодаря им мы запаслись мёдом – на всю жизнь хватит – и прекрасным прочным воском для свечей...

Хомили ничего не ответила, пытаясь скрыть зависть: её ошеломило богатство Люпи, – но наконец, вытерев последнюю раковину, сказала:

– Куда их поставить?

– В плетёный футляр для гребёнки – положи на жестяную крышку и сбрось их туда. Они не разобьются.

– Должна признать, Люпи, ты стала, что называется, хорошей хозяйкой, – заметила Хомили, не скрывая своего удивления, и принялась бросать раковины одну за другой в футляр в форме рожка с петелькой сверху, чтобы вешать на стену, и с вылинявшим голубым бантом.

– Пожалуй, да, если учесть, что я выросла в гостинной и за всю жизнь палец о палец не ударила.

– Ну, росла ты, положим, не в гостинной... – съязвила Хомили.

– Ах, те дни, что жила в конюшне, совсем выветрились у меня из памяти, – беспечно отмахнулась Люпи. – Я была так молода, когда вышла в первый раз замуж, совсем дитя...

Неожиданно она повернулась к Арриэтте:

– А ты о чём мечтаешь, мисс Тихоня?

– Я думала о Спиллере.

– Ага! – воскликнула Люпи и опять рассмеялась. – Она думала о Спиллере. Нечего тебе тратить свои драгоценные мысли на этого оборвыша. Придёт время, и ты повстречаешь кучу воспитанных добываек. Может быть, даже познакомишься с таким, что вырос в библиотеке: говорят, они лучше всех – джентльмены все до одного, прекрасно образованные.

– Я вот о чём подумала... – ровным голосом сказала Арриэтта, стараясь не выйти из себя. – Спиллер в костюме из белой лайки выглядит, наверное, странно.

– Ну, белым-то он остаётся недолго, – захихикала Люпи, – уж ты мне поверь! Поначалу он белый, потому что я шью его из белой бальной перчатки: длинной, до самого плеча, – которую я захватила, когда мы покидали гостиную. Спиллер хочет только лайку и больше ничего... говорит, что она ноская. Конечно, она становится жёсткой, как только намокнет, но он снова её изнашивает. К тому времени его одежда уже всех цветов радуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.